

А. С. Баркалев

Центральный Зомбиленд

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А11

А. С. Баркалев
А11 Центральный Зомбиленд / А. С. Баркалев – М.: Книга по Требованию, 2018. – 450 с.

ISBN 978-5-519-60512-0

Недалекое будущее Земли. Зомби-апокалипсис все-таки случился, и вылились в нем только зомби, которые впрочем построили новую цивилизацию и живут припеваючи. Апокалиптическая технократия процветает в огромных полисах, позволяя зомби сохранять свою личность с помощью девайсов в жестких границах четко структурированного общества. Притом взгляните повнимательнее! Чем этот зомби-мир так уж отличается от нашего с вами?

Однако даже в зомби-социуме есть тайны, которые неожиданно для себя открывает некий зомби Кирилл, живущий, как и все зомби, под руководством более совершенных. В попытке приблизится к этим таинственным Великим, сохранившим чувства и память, он должен обрести собственную индивидуальность и избавиться от тотального контроля внутри полиса. Избежать гнева, найти свое место в бездушном мире предопределенности и стандарта и даже встретить любовь... Возможно ли достичь этого силами одинокой личности в мире, где личность ничего не значит?

ISBN 978-5-519-60512-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018
© А. С. Баркалев, 2018

А.С. Баркалев

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЗОМБИЛЕНД

Москва, 2017

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б 25

Баркалев, А.С.

Б 25 Центральный Зомбиленд / А.С. Баркалев. — М.: Книга по требованию, 2017. — 450 с.

ISBN 978-5-519-60512-0

Недалекое будущее Земли. Зомби-апокалипсис все-таки случился, и выжили в нем только зомби, которые впрочем построили новую цивилизацию и живут припеваючи. Апокалиптическая технократия процветает в огромных полисах, позволяя зомби сохранять свою личность с помощью девайсов в жестких границах четко структурированного общества. Притом взгляните повнимательнее! Чем этот зомби-мир так уж отличается от нашего с вами?

Однако даже в зомби-социуме есть тайны, которые неожиданно для себя открывает некий зомби Кирилл, живущий, как и все зомби, под руководством более совершенных. В попытке приблизиться к этим таинственным Великим, сохранившим чувства и память, он должен обрести собственную индивидуальность и избавиться от тотального контроля внутри полиса. Избежать гнева, найти свое место в бездушном мире предопределенности и стандарта и даже встретить свою любовь... Возможно ли достичь этого силами одинокой личности в мире, где личность ничего не значит?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-519-60512-0

© Баркалев А.С., текст, 2017
© Кривошеина А., дизайн обложки
© Книга по требованию, оформление,
издание, 2017

Перед вами книга о будущем, которая изменит ваше восприятие настоящего... Или не изменит... Можно ли вообще его изменить? Да и кому нужны эти изменения? Мне не очень. А вам?

Поэтому единственное, о чем попрошу, — не относитесь к этому труду слишком серьезно, и тогда он вас в меру сил моих развлечет... Или не развлечет... Все возможно в этом дурацком мире. Возможно и то, что написано ниже.

Часть первая. Город зомби

Глава 1

В прошедшую субботу зомби Кирилл потерял где-то свою левую руку. Больше всего его расстроил тот факт, что он, как ни старался, не мог вспомнить, где именно это произошло. Следовательно, найти пропажу не было никакой возможности. Кирилл помнил тот день крайне смутно, впрочем, как и все предыдущие дни. Однако в памяти всплывало то очевидное обстоятельство, что утром в субботу рука еще была на месте. А вот когда он очнулся воскресным утром после бессознания, то нащупал слева только шероховатую неровность.

Не то чтобы потерянная рука всегда была его рукой. Лет десять назад ею заменили другую испорченную руку, которая тоже была не его собственной. Вообще Кириллу было известно, что у большинства его знакомых зомби руки портятся и меняются гораздо чаще. Даже его правая рука больше трех лет ему не служила. Он знал это точно, так как на каждой руке под локтем была маркировка с датой выдачи. С левой же рукой ему повезло. Она уже десять лет не ломалась, не темнела и в принципе не доставляла ему никакого беспокойства.

Кирилл открыл для себя это загадочное несоответствие как-то совершенно случайно. В одно забытое уже им утро, после реализации инстинкта очищения, он вытирался полотенцем и увидел в зеркале, что маркировка на локте левой руки почти стерлась. Почему-то это привлекло его внимание и даже смогло удержать таковое более чем на десять минут. Благодаря этому Кирилл успел изучить дату на маркировке и сравнить ее с датой на правой руке, замененной за год до того.

Поначалу столь выпирающее расхождение дат просто заинтересовало Кирилла. Потом смутило его. Потом он забыл об этом на неделю. Обычно все, что он забывал на неделю, не возвращалось в его память уже никогда. Однако странная левая рука вновь завладела его вниманием, когда очередной ночью, после реализации инстинкта близости со своей постоянной подругой Полиной, он почему-то начал изучать штампы на ее локтях. Обе руки у нее были новенькие. Одной — чуть больше года, второй — около месяца. Тогда-то Кирилл и вспомнил, вопреки обыкновению вспомнил четко и ярко, затершийся девятилетний штамп на своей собственной руке.

На всякий случай Кирилл попросил подругу проверить дату на своей маркировке. Лина дату прочитала, откровенно зевнула и предложила ему самому съездить в Центр замены левых рук. Тот факт, что рука, несмотря на столь длительный срок использования, до сих пор исправно служила ее постдругу, не произвел на молодую зомби-девушку никакого впечатления. И она вскоре заснула.

Сам Кирилл в ту ночь не спал вовсе. Предложение поехать и добровольно отдать свою старую левую руку в обмен на новую звучало более чем правильно. Однако оно вызвало такое отторжение внутри него, что при одной мысли об этом его передергивало. Кирилла будто попытались незаконно лишить чего-то. И это что-то было очень ценным и очень ему нужным. Всю оставшуюся ночь он ворочался и пытался подумать над такой странной реакцией. Получалось не очень.

Утром он встал засветло, когда инстинкт пробуждения еще не сработал. Как обычно, пошел в ванную комнату. Грязным он себя не чувствовал. Грязным он себя вообще никогда не чувствовал. Однако инстинкт очищения неумолимо тянул залезть под горячий душ, намылить мочалку и тереться ею минимум пять минут. Кирилл вошел в душевую кабинку, включил воду и начал привычными движениями смывать с себя видимую и невидимую грязь. К концу очищения он вдруг понял, что ни разу не ополоснул свою левую руку.

Постояв секунду, он очень осторожно намылил ее, стараясь чтобы мыло не коснулось локтя, и быстро ополоснул водой.

С той поры левая рука заняла особое место в жизни молодого зомби. Она уже не покидала надолго его мысли и стала предметом особой заботы. Кирилл старался лишний раз не пачкать и не напрягать ее, укутывал потеплее зимой и укрывал от палящего солнца в летние месяцы. Рука превратилась для него в нечто такое, сама мысль о принадлежности которого тебе, рождает внутри ощущение чего-то теплого и очень приятного. Как это называется, Кирилл не знал, да и не хотел знать.

Первое время Кирилл старался проверить, насколько его рука действительно необычна. Для этого он при любой возможности пытался прочитать маркировку на руках окружающих его зомби. К счастью, было лето, и многие зомби одевались в одежду с короткими рукавами. Цифры Кирилл запоминал плохо, поэтому точные даты на штампах отфиксировать даже не пытался. Его целью было найти такую же старую руку, как и у него. Однако самой старой руке, которую он встретил, было чуть больше четырех лет. Она принадлежала его другу-коллеге из соседнего отдела и выглядела очень подержанной. Скорее всего, это именно она отвалилась во время дружеской игры в электронный футбол месяц спустя, чем сильно повеселила игроков. Хотя Кирилл не был в этом до конца уверен.

Убедившись окончательно в необычности своей левой руки, Кирилл еще раз попытался обсудить ее с Полиной, но та только захлопала ресницами и снова вспомнила про Центр замены левых рук в Химках. После этого разговора она почти минуту смотрела на него таким взглядом, будто считала его чуть-чуть неадекватным зомби. Удовольствия это ему совсем не принесло, поэтому больше про руку он с постподругой не заговаривал. Хорошо еще, что Лина теряла события в памяти раз в пять быстрее, чем он сам.

Постподруга у Кирилла была в понимании любого адекватного зомби очень даже симпатичной. Стройная, с длинными красивыми

ногами и высокой упругой грудью, с большими зелеными глазами и пухлыми губками. Таких зомби-девушек часто показывали по зомби-панели и называли сексуальными. При этом говорили, что зомби-парни, заимевшие такую зомби-девушку в постподруги, должны считать себя счастливыми. Кирилл так и считал. А еще он так говорил, когда друзья-коллеги мужского пола при реализации инстинкта общения искренне сообщали ему, что завидуют и мечтают о такой же постподруге или времподруге, как у него. Реализация инстинкта общения всегда требовала много времени и использования бессмысленных старинных слов, вроде «зависть» и «мечты». Хотя слов этих Кирилл не понимал, но ему было приятно применение их по отношению к нему в подобных разговорах.

Так что Линой он дорожил. Конечно, дорожил не так сильно, как своей внезапно открытой сверхкачественной левой рукой, но в достаточной мере. Даже реализовывать инстинкт общения с Линой было ему в большинстве случаев приятно. Она всегда внимательно слушала его рассуждения и восхищенно хлопала ресницами. Единственные неприятные ощущения, относящиеся к его постподруге, возникали у него при разговорах с зомби-родителями Лины, на которых даже инстинкт общения у Кирилла почти не срабатывал.

Поймав себя на мысли о том, что даже общение с его зомби-девушкой по поводу руки оказалось неприятным, Кирилл больше ни с кем обсуждать ценную руку не захотел. Вскоре он понял, что сохранение его открытия в состоянии незнания для всех остальных зомби, приносит ему еще более приятные моменты, чем сам факт открытия.

В таком состоянии Кирилл просуществовал почти целый год. Никогда до этого за ходом времени он особо не следил и даже не мог сказать, какое сейчас число и какой год, не сверившись предварительно с экраном наручного зомбифона. Кстати, если зомбифон попросить, то он проецировал голограмму очень милой и приятной для любого адекватного зомби девушки, которая подсказывала

не только время, но и любую другую информацию. Впрочем, вопросов о чем-то другом у большинства зомби почти не возникало, поэтому за девушкой оставили только время, прогноз погоды и анализ пробок на дорогах. Как-то Кирилл решился и спросил ее про свою руку. Девушка ненадолго зависла, а затем, очаровательно улыбаясь, сообщила, что построить маршрут до Внуково невозможно из-за технического сбоя.

Вопреки столь наплевательскому восприятию времени, прошедший год помнился Кириллу более ясно, чем все предшествующие. Мысль об уникальной левой руке возникала в его голове постоянно, иногда даже при реализации инстинктов близости и общения и, что уж совсем кощунственно, при реализации инстинкта познания во время ежевечернего трехчасового просмотра зомби-панели.

Дошло до того, что в мыслях он начал проигрывать сценки, как будет себя вести, когда все узнают об его уникальной левой руке. Сценки эти были смутными и незавершенными, но по телу при этом пробегала такая приятная дрожь, какой ни разу не было даже при реализации инстинкта близости. Ни с Полиной, ни с бывшей до нее времподругой. Или подружками... Он не помнил ни их количество, ни внешний вид...

По ночам, перед тем как заснуть, он старался прокрутить в памяти всю историю открытия левой руки. Делать это молча было очень тяжело. Слова в голове расплзались, как старые тряпки, наотрез отказывались складываться в осмысленные фразы и предложения. Вот почему вначале он мог что-то придумать, только проговаривая шепотом нужные мысли. Для этого приходилось надолго уединяться в туалете и на вопросы Лины о причинах уединения издавать невнятное бормотание.

Несмотря на все эти сложности и запутанности, доводившие его порой почти до головной боли, Кириллу нравилась эта жизнь, свернувшаяся в какую-то немыслимую спираль вокруг его левой руки. Приподнятое настроение, вообще не связанное с инстинктом

радости, практически не покидало его круглые сутки. Даже засыпая и просыпаясь, он ловил себя на том, что улыбается. Иногда, правда очень-очень редко, ему даже казалось, что после выхода из бессознания какое-то яркое воспоминание стремительно растворяется в его голове. И он тогда думал, что вдруг это СОН, который он видел ночью. Хотя, конечно, это был полный неадекват для зомби — видеть по ночам сны.

Самое главное внутри у Кирилла сложилось и окончательно закрепило ощущение того, что такая особенная жизнь была у него всегда. И самое интересное — что она просто не может закончиться. И вот сейчас он стоял перед зеркалом, неловко ощупывал неровные бугры на месте предплечья и думал только об одном...

— Левая рука пропала...

Мысль эта толстой назойливой мухой носилась и жужжала в голове Кирилла. Она ожесточенно препятствовала возникновению какой-либо другой мысли. Губы его шевелились и без конца повторяли эти слова вслух, однако сознание не фиксировалось на них. Неизвестно, сколько продолжалось бы подобное стояние, если бы в ванную комнату не вошла Лина в шелковой пижамке салатного цвета и с заспанными еще ресницами. Пижамка была приталена и ненавязчиво подчеркивала все достоинства зомби-девушки. Не обращая внимания на бормотание своего постдруга, Лина втиснулась между ним и раковиной и умылась. Затем она скинула ночную одежду, обнажив бледно-матовую кожу, и забралась в душ. Инстинкт очищения был одним из самых сильных и отлаженных ее инстинктов.

Шум звенящей воды наполнил ванную комнату. Своей резкостью и какой-то непреложной обыденностью он мгновенно вывел Кира из полуборморочного состояния. Еще несколько секунд он простоял, разглядывая свое несимметричное отражение в запотевшем зеркале, затем вышел, тихонько прикрыв за собой дверь. Шум хлопающих дверей раздражал его, кажется, с детства. Возможно, имен-

но поэтому он так редко ссорился с Линой. Просто он не хотел, чтобы она хлопала дверью. И это несмотря на то, что инстинкт общения требовал громкого выплеска эмоций хотя бы раз в месяц.

Кирилл прошел в спальню. Кровать уже была убрана, и он растянулся на ней прямо поверх покрывала. Невероятная неправильность и неадекватность этой картины перехватила дыхание его постподруги, вернувшейся вскоре из душа с тюрбаном из пушистого полотенца на голове.

— Есть же кресло и... диван... — скорее с обидой, чем со злостью выпалила она.

— Извини, зайка, — миролюбиво ответил Кирилл, но с места не сдвинулся.

Он молча лежал и смотрел в белый крашеный потолок спальни. Посреди потолка одиноко и напыщенно торчала люстра вся в крашенных жестяных розочках. Мысль, что надо встать и по возможности избежать надвигающейся ссоры, как-то не пришла во внезапно опустевшее сознание. Лина, впрочем, тоже решила не развивать поднятую тему. В четверг она громко поскандалила с соседкой с верхнего этажа, и инстинкт общения пока не побуждал ее к новым крикам.

Девушка скинула халат и, повернувшись к Кириллу спиной, демонстративно стала надевать черные атласные трусики. В воскресное утро это почти всегда приводило к реализации инстинкта близости. Реализацию данного инстинкта Лина считала почти такой же важной, как и реализацию инстинкта очищения. Однако этот день стал исключением. Кирилл смотрел на свою обнаженную подругу и привычно ждал, когда сработает инстинкт и предсказуемо притянет его организм к аппетитным формам постподруги. Минута шла за минутой, но ожидаемое приятное напряжение все не накачивало. В голове крутились какие-то совершенно бессвязные фразы и образы. Время от времени среди них жирным расплывшимся пятном проступала его оторванная рука. Подобная мешанина в конце концов совершенно увела его от предвкушения близости.